

Дебора Лаптон Жирные

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

**ИССЛЕДОВАНИЯ
КУЛЬТУРЫ**

Исследования культуры

Дебора Лаптон

Жирные

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2018

Лаптон Д.

Жирные / Д. Лаптон — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»,
2018 — (Исследования культуры)

ISBN 978-5-7598-2236-3

Это книга о том, почему тучное тело подвергается суровому осуждению и считается патологическим, почему оно является предметом столь интенсивного обсуждения, вращающегося вокруг того, как уменьшить такое тело в размерах до приемлемых, с точки зрения социума и медицины, пропорций. Она посвящена живому опыту тучной телесности: каково это — быть тучным в жирophobic обществе. В ней также освещается фэт-активизм, политика ожирения и связанные с ними споры и разногласия. Всемирно известный социолог Дебора Лаптон исследует жир как артефакт: как телесную субстанцию и телесную форму, которые осмысляются сквозь призму сложных и постоянно меняющихся систем идей, практик, эмоций, материальных объектов и межличностных отношений. Этот анализ выявляет более широкие контексты и течения, в рамках которых осуществляются практики, связанные с человеческим телом и Я. Книга, написанная живым, увлекательным языком, предназначена как для широкой аудитории, так и для студентов и исследователей, интересующихся вопросами политики телесности и здоровья. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

ISBN 978-5-7598-2236-3

© Лаптон Д., 2018
© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2018

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	7
Как возникла «эпидемия ожирения»	10
Исследования веса/исследования жира: критический подход	11
Конструирование «ожирения»	13
«Ожирение» под вопросом	16
Обзор глав	18
Глава 2	19
Борьба с ожирением	20
Критические подходы	23
Глава 3	33
Власть медицины и «эпидемия ожирения»	34
Социальное конструирование «избыточного веса» и «ожирения»	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дебора Лаптон

Жирные

Предисловие

Первое издание «Жирных» вышло в 2012 г. – к тому моменту уже какое-то время неуклонно возрастал академический интерес к дискурсам, практикам и политике, окружающим тучные тела. Сейчас, несколько лет спустя, эта тема по-прежнему остается точкой, в которой пересекаются разнообразные и противоречивые позиции по вопросу идентичности и телесности. Паника по поводу так называемой эпидемии ожирения немного улеглась – возможно, потому что новостные медиа утратили к ней интерес и в фокусе государственной политики в области здравоохранения оказались другие вопросы. Тем временем фэт-активистов проложили себе путь в общественную дискуссию по поводу ожирения, хотя и сталкиваясь с сопротивлением и отрицанием. Ряд тем, которые я рассматриваю в первом издании, претерпели дальнейшую эволюцию, появились новые исследования, уделяющие более пристальное внимание интерсекциональным аспектам тучной телесности: какое влияние на индивидуальный опыт оказывают социальный класс, этническое происхождение или раса, половая идентичность, возраст и географическое местоположение. Дискуссия разгорелась также и по вопросу о том, кто может выступать от лица тучных людей или подвергать критическому анализу политику, проводимую в отношении ожирения, – должны ли они сами быть тучными людьми, или другим тоже позволено принимать участие в дебатах?

С тех пор как было выпущено первое издание этой книги, в массовой культуре произошел поворот в сторону визуального и человеческие тела любой формы и размера получили новое, более активное и всестороннее освещение в новых цифровых медиа. Благодаря этим медиа фэт-активисты и активисты бодипозитива получили возможность быть больше на виду и привлекать внимание к своим идеям и убеждениям. Тем не менее худое и подтянутое тело продолжает доминировать на этих новых цифровых площадках в качестве идеального образа тела, часто под знаком «фитнесмании» (fitspiration). Социальные сети способствуют тому, что порицание и стигматизация тучных людей усиливаются, и подобные установки, быстро распространяясь, охватывают все более широкую аудиторию. Новые цифровые медиа и устройства продвигают культуру интенсивного мониторинга состояния своего тела, параметры которого постоянно сравниваются с определенными нормами. На рынке появилось огромное количество приложений и портативных гаджетов, которые позволяют подсчитывать калории, измерять физическую активность и следить за весом тела, чтобы соответствовать этим идеалам. Таким образом, цифровые медиа подвергают тела всех размеров еще более пристальному вниманию, чем раньше, выставляя их напоказ и делая их объектом постоянного оценивания как на частном, так и на общественном уровне. Подобные темы и проблемы я рассматриваю во втором дополненном издании своей книги.

Дополнительные источники

Второе издание книги дополнено материалами из статей, опубликованных в научных журналах.

Lupton D. (2014). "How do you measure up?" Assumptions about "obesity" and health-related behaviors and beliefs in two Australian "obesity" prevention campaigns // Fat Studies. Vol. 3. No. 1. P. 32–44.

Lupton D. (2015). The pedagogy of disgust: the ethical, moral and political implications of using disgust in public health campaigns // *Critical Public Health*. Vol. 25. No. 1. P. 4–14.

Lupton D. (2017). Digital media and body weight, shape and size: an introduction and review // *Fat Studies*. Vol. 6. No. 2. P. 119–134.

Глава 1

Вводная

Как-то вечером, переключая каналы, я наткнулась на эпизод американской версии реалити-шоу «The Biggest Loser»¹. Кажется, это был финал, поскольку три оставшихся участника соревновались за окончательную победу. С болезненным любопытством я какое-то время наблюдала за чередой флешбэков, в которых детально раскрывался «путь» каждого из состоявшихся. Нацеленность этой телепрограммы на унижение, порицание и наказание участников просто поражала воображение. Нам показали, как участники с самого начала программы каждую неделю демонстрировали свои тела: женщины – в едва прикрывающих тело топах и шортиках, а мужчины – в шортах. В таком одеянии свисающие складки колыхающейся плоти были выставлены на всеобщее обозрение – для зрителей в студии и телеаудитории. В одном из флешбэков показали, как каждый из участников первый раз публично взвешивался. Они вставали на весы, и их избыточный вес отображался в цифрах гигантского размера – ведь их ждала поистине титаническая задача, достойная Гаргантюа: сбросить вес до такой степени, чтобы «прийти в норму».

Выражение лиц участников и их слова свидетельствовали о глубоком чувстве стыда и унижения из-за собственной тучности. Например, одна женщина в тот момент, когда ей впервые пришлось продемонстрировать свое «ожирение», объявила, что ее тело внушает ей «отвращение». Флешбэки показывали, какому ежедневному наказанию подвергалась плоть участников, выполняющих мучительные упражнения, в то время как стройные, накачанные личные тренеры грубо на них орали, якобы «подбадривая» их и побуждая упорнее работать над своим телом. Участники обливались потом, у них краснели от натуги лица, одного из них даже вырвало от перенапряжения, они жаловались на боль и страдания из-за тренировок. Тем не менее в заключительном эпизоде шоу все три финалиста объявили, что «оно того стоило». Все они сбросили очень много и выглядели если не худышками, то, во всяком случае, людьми «нормального размера». Все как один прокомментировали, что, сбросив вес, они «вернули себе свою жизнь», как если бы тучные тела определяли до того момента их судьбу.

В сезоне 2012 г. австралийского шоу «The Biggest Loser» все внимание было сосредоточено на одиночестве и отчаянии, от которых страдали участники, прошедшие отбор в шоу как раз по той причине, что у них не было партнера и они отчаянно «искали любви». Их принуждали публично обнажать не только свои тела для ритуального взвешивания, но и души. Так, например, в проморолике передачи один из участников-мужчин указывал на свое тело со словами: «Посмотрите на меня – никто такое не полюбит!» Другой мужчина произносил: «Я готов к любви!», в то время как на экране вспыхивали слова «Полюби себя!»

Посыл такого рода телепередач совершенно очевиден. Тучные люди одиноки, их никто не любит, они эмоционально неустойчивы и подвержены печали; они заслуживают наказания в виде мучительных упражнений и суровой диеты; они как дети, которые нуждаются в строгой авторитетной фигуре, которая силой привьет им привычку к здоровому образу жизни, ведущему к похудению. В установке на любовь в сезоне 2012 г. содержались две мысли: тучные люди не любят себя, в противном случае они бы не позволили себе набрать такой вес; из-за их тучности никто не испытывает к ним сексуального влечения. Такие люди представляли как внушающие одновременно и жалость, и презрение.

¹ Игра слов: loser – 1) неудачник; 2) тот, кто теряет (вес). Российский вариант шоу под названием «Взвешенные люди» выходит на канале СТС. – *Примеч. пер.*

Как показывает подобного рода публичное унижение тучных людей, в современных западных обществах тучное тело стало точкой приложения стигматизирующего дискурса и практик, нацеленных на дисциплинирование, нормализацию и обуздание тучности. Несмотря на то что во многих западных странах тучных людей больше, чем худых, тучные люди по-прежнему маргинализируются, к ним относятся с насмешкой и даже отвращением. Такое впечатление, что в самой культуре заложено нечто, что заставляет отторгать тучность, которая рассматривается как подлежащая контролю, обузданию и наказанию. И в расхожих, и в экспертных оценках тучные люди предстают как «распустехи» – не только в буквальном, но и в символическом смысле. Их тела – гротескное физическое свидетельство того, что они не в состоянии контролировать свои ненасытные желания. Их плоть вспучивается, расплывается, занимая больше места, чем требуется телу, и вызывая негативную реакцию на свою избыточность. Тучность заслоняет идентичность этих людей, так что другие видят один только жир, а не «настоящего человека внутри», как выразился один из участников шоу «The Biggest Loser». В более широком смысле такая телепередача, а также другие массмедийные жанры, в том числе журналы о знаменитостях, новости, интернет-форумы, посвященные самосовершенствованию, и приложения для смартфонов и других гаджетов, служат своего рода педагогическими инструментами, которые демонстрируют, какие техники и режимы функционирования своего Я должен использовать человек западной культуры. Они демонстрируют особый тип идеального тела и идеального Я: в строгих границах, подлежащие постоянному контролю и оцениванию, предприимчивые, сами себя производящие (entrepreneurial).

«Жирные» – это книга о том, почему тучное тело подвергается такому суровому осуждению, почему оно является предметом столь интенсивного обсуждения, вращающегося вокруг того, как уменьшить это тело в размерах до приемлемых, с точки зрения социума и медицины, пропорций. Она посвящена живому опыту тучной телесности: каково это – быть тучным в жирофобном обществе. Но прежде всего это книга о жире как культурном артефакте: телесной субстанции и телесной форме, которые в контексте западных обществ первых десятилетий XXI в. осмысляются сквозь призму сложных и постоянно меняющихся систем дискурсов, практик, эмоций, материальных объектов и межличностных отношений. Сам по себе жир никаким смыслом не обладает. Тучность проживается, изображается и регулируется только в рамках исторического, социального и культурного контекста, который наделяет ее смыслом, точно так же как другие телесные характеристики или черты – цвет кожи или волос, молодость, рост – приобретают значение только в зависимости от контекста. Эти значения обладают подвижностью и изменчивостью, они меняются вместе с контекстом. Чтобы объяснить феномены, связанные с тучностью, нужно рассмотреть более общие вопросы, касающиеся человеческого тела и человеческого Я.

Прежде чем рассуждать о весе и размере тела, необходимо обсудить терминологию и понять, по каким критериям осуществляется выбор между такими определениями, как «тучный» («жирный»), «с избыточным весом» или «страдающий от ожирения». В контексте возникновения фэт-активизма этот выбор становится все более политически обусловленным и вызывающим разногласия. Многие исследователи и активисты предпочитают использовать термин «жирный» («тучный»), а не «с избыточным весом» или «страдающий от ожирения», считая, что в эти понятия заложен нормативный и патологизирующий смысл [Wann, 2009, р. xii]. Они полагают, что «ожирение» – это медицинский термин, который автоматически относит тучность к разряду патологий. Таким образом, говоря о человеке, что у него «ожирение», мы тем самым превращаем его в медицинский случай: он страдает от болезни «ожирение», он вне нормы, его здоровье подвергается огромному риску и ему требуется медицинское вмешательство, чтобы снизить вес. Фэт-активисты отвергают такие термины, как «недостаточный вес», «нормальный вес» и «избыточный вес», потому что эти понятия подразумевают,

что существует некий идеальный вес без отклонений, к которому люди должны стремиться [Rothblum, 2012].

Подобно тому как геи, лесбиянки, бисексуалы и трансгендеры приняли решение использовать для собственных целей некогда уничижительное слово «квир», превратив его в позитивную самоидентичность и политический термин, ряд исследователей и активистов стремятся использовать слово «тучный» («жирный») для позитивного описания дородных людей. Эти авторы, признавая уничижительные коннотации слова «жирный», устоявшиеся за века стигматизации и морализаторского изображения тучного тела, тем не менее полагают, что этот термин по крайней мере находится за пределами медицинского дискурса. Как утверждает известная фэт-активистка Мэрилин Уонн [Wann, 2009, p. xii], «в слове “жир” нет ничего негативного или грубого, если только специально не вкладывать в него такой смысл; использование этого слова в дискриптивном, а не дискриминирующем значении поможет избавиться от предрассудков». Отдавая дань политической заряженности терминологии, сложившейся вокруг проблемы веса, я также предпочитаю использовать в своей книге слово «тучный» («жирный»), а не «с избыточным весом» или «с ожирением».

Как возникла «эпидемия ожирения»

Тучность стала предметом пристального интереса начиная с последнего десятилетия XX в. Врачи, специалисты в области здравоохранения и ученые начали активно писать о явлении, которое получило расхожее название «эпидемии» или «кризиса ожирения». В медицине и здравоохранении тучное тело давно уже ассоциировалось с нездоровьем, но именно в этот период произошло беспрецедентное усиление внимания специалистов и ученых к негативному воздействию ожирения на состояние здоровья и экономики. Пик озабоченности «эпидемией ожирения» пришелся на середину 2000-х. Журнал «Time» объявил 2004 г. «Годом ожирения». В том же году Всемирная организация здравоохранения приняла Глобальную стратегию по режиму питания, физической активности и здоровью, а центры по контролю и профилактике заболеваний предсказывали, что неправильное питание и отсутствие физических упражнений унесет в США больше жизней, чем табакокурение [Herrick, 2009, p. 53].

С 1990-х годов в отчетах медицинских организаций и учреждений здравоохранения стала проводиться идея о том, что в наше время гораздо больше людей, по сравнению с предыдущими эпохами, страдают от избыточного веса или ожирения; это в свою очередь стало ассоциироваться с распространением заболеваний, преждевременной смертностью и более тяжким бременем, которое ложится на системы здравоохранения в странах, затронутых проблемой ожирения, т.е. в подавляющем большинстве развитых стран. Ряд специалистов в области здравоохранения утверждали, что эпидемия ожирения принимает глобальный характер (так возник неологизм «глобоожирение»), поскольку развивающиеся страны усваивают пищевые привычки западных наций, что приводит к увеличению в этих странах числа людей с избыточным весом [Lifshitz, Lifshitz, 2014; Swinburn et al., 2015]. Такого рода заявления привлекли внимание новостных СМИ, которые сочли этот новый кризис в области общественного здоровья достойным всестороннего освещения и выпустили множество репортажей на эту тему. Правительства стали спонсировать различные форумы и дискуссионные площадки, создавать рабочие группы, комиссии и стратегические планы, разрабатывать директивы, направленные на сдерживание кризиса ожирения; возникли программы по укреплению здоровья населения, призванные информировать людей о проблеме и помогать ее решать; внедрялись специально разработанные для школ и рабочих мест меры контроля за весом. Коммерческий сектор в свою очередь воспользовался этой возможностью, чтобы разработать и запустить на рынок продукцию, нацеленную на снижение веса и предназначенную для тех, кто все больше узнавал о связанных с ожирением рисках для здоровья, широко освещавшихся на всех публичных площадках.

Недавно опубликованные в медицинских журналах статьи призывают создать государственное финансирование для проведения бариатрических операций (устранение лишнего веса) в случаях «угрожающего здоровью ожирения» (т.е. экстремального с точки зрения индекса массы тела ожирения). Такие операции включают желудочное шунтирование (в просторечии – ушивание желудка) и желудочный бандаж – на желудок накладывается кольцо, которое разделяет его на верхний и нижний отдел, чтобы снизить объем поглощаемой и усваиваемой пищи (это экстремальное вмешательство в случае очень серьезной медицинской проблемы). Пропагандирование бариатрической хирургии – в массмедиа рассказывается о знаменитостях, подвергшихся такой процедуре, – предполагает, что тучность не просто болезнь, но болезнь, требующая радикального медицинского вмешательства. Частые случаи ухудшения качества жизни и хронических побочных эффектов этой операции, таких как постоянная тошнота или рвота, изменения в кишечном тракте и обвисание кожи, в подобных сообщениях полностью игнорируются [Groven, Råheim, Engelsrud, 2013; Ortiz, Kawachi, Boyce, 2017].

Исследования веса/исследования жира: критический подход

Реакцией на то, что ожирение было объявлено новым серьезным кризисом общественного здоровья, стало пристальное внимание к теме тучности со стороны значительного числа исследователей и специалистов по социальным и гуманитарным наукам, которые подошли к этой проблеме с критических и аналитических позиций. Критические исследования, посвященные тому, как тучные люди изображаются и воспринимаются как в экспертной, так и в популярной культурах, публиковались еще с конца 60-х, в особенности фэт-активистами, но лишь сравнительно недавно, на фоне возрастающей медиализации и патологизации тучности, стал формироваться обширный корпус литературы и возникла самостоятельная область исследования. На рубеже веков стали проводиться конференции, посвященные критическому анализу дискурса ожирения. Серия международных конференций «Стигма веса», как следует из самого названия, сосредоточена вокруг проблемы фэт-шейминга, дискриминации и стигмы. Эти мультидисциплинарные конференции проводятся ежегодно с 2013 г. Растет число интересных публикаций – монографий и сборников, – посвященных социальным, культурным, историческим и политическим аспектам тучности, в научных журналах появляется все больше статей на эту тему.

Антропологи рассматривают эту проблему с точки зрения кросс-культурного подхода: предмет их исследования – то, как тучность изображается и воспринимается в незападных обществах. Социологические и социально-психологические работы о тучности акцентируют внимание на том, как тучные люди оказываются в маргинализированной социальной группе, и ставят своей задачей выявить господствующий дискурс, наделяющий смыслом тучную телесность. С точки зрения специалистов по социальной и критической географии, для понимания культурно-социальных аспектов тучной телесности особенно важно измерение пространства и места. Гуманитарные дисциплины предлагают историческую перспективу, позволяющую увидеть, как тучная телесность осмысливалась, изображалась и переживалась в западных обществах разных эпох. Специалисты по литературоведению, культурологии, исследованиям в области медиа, исследованиям науки и технологий изучают доминирующие репрезентации тучности в литературе, изобразительном искусстве, театре, массмедиа, цифровых медиа и медицине. Ряд влиятельных философов либо непосредственно описывают онтологию тучной телесности, либо предлагают пронизательные размышления о теле, которые используются специалистами в области социальных и гуманитарных наук, разрабатывающими теорию тучной телесности.

Слово «жир» в описании тучной телесности стало настолько популярным, что возникла даже особая область академического исследования и преподавания – «исследования жира» (fat studies). В своем введении к книге «Исследования жира: хрестоматия» («The Fat Studies Reader»), основополагающему сборнику работ с критикой доминирующих в культуре изображений жира, Уонн [Wann, 2009, p. ix] определяет исследования жира как «радикальную область исследований, которая стремится дойти до самой сути системы убеждений, связанных с телесным весом». Она утверждает, что исследования жира должны отвергнуть следующие допущения: «что тучные люди могут (и должны) сбросить вес... что тучность – это болезнь, тучные люди не обладают хорошим здоровьем и долго не живут... что худые люди красивы, а толстые безобразны» [Ibid.]. Теперь у этой междисциплинарной области исследований есть свой собственный научный журнал «Fat Studies», первый номер которого вышел в 2012 г.: издатели и редколлегия явно не сомневались, что научный интерес к этой области будет поддерживаться достаточно долго. Ряд ученых, пишущих на эту тему, предпочитают обозначать свою деятельность как «критические исследования веса» или «критические

исследования ожирения». Акцент делается на слове «критические», поскольку эти исследователи стремятся выявить и оспорить некритически воспринимаемые представления об ожирении/тучности, господствующие в массовом дискурсе, а также в биомедицинской литературе и литературе из области здравоохранения.

Конструирование «ожирения»

Одна из главных претензий авторов, критически рассматривающих проблему тучности, касается социально сконструированной природы «эпидемии ожирения»: отсюда частое использование в литературе кавычек, в которые заключено это словосочетание, чтобы подчеркнуть его спорный смысл. Как уже много лет утверждают специалисты по гуманитарным и социальным наукам, знание в области биомедицины и здравоохранения не является очевидным, состоящим из вечных «истин», которые только и ждут того часа, когда их «обнаружат» исследователи. Как и в случае с любым видом знания, эти системы знания представляют собой социокультурные конструкты, обретающие смысл вследствие принимаемых исследователями решений: какие проблемы изучать, какие методы сбора данных использовать и каким образом анализировать и интерпретировать полученные данные. С этой точки зрения все болезни и физические состояния также являются социальными конструктами. Я не хочу сказать, что все эти феномены не обладают биологическими, материальными проявлениями, но физические проявления неизбежно подвергаются интерпретации и воспринимаются в зависимости от существующих установок и представлений, которые сами непрерывно меняются.

На такой подход к медицинскому знанию и болезням повлияла обширная литература по социологии и антропологии тела, возникшая за последние 40 лет. Авторы, занимающиеся социологией и антропологией тела, исследуют человеческое тело как сложную структуру, точку пересечения биологии, общества и культуры. Они находятся под влиянием постструктуралистского взгляда на взаимосвязь социальных процессов, дискурса и властных отношений, в особенности идей французского философа и историка Мишеля Фуко. «Дискурс» в постструктуралистском подходе понимается в широком смысле – как упорядоченный и целостный способ репрезентации и обсуждения людей, событий или явлений, представленный в публичном пространстве: от бытовых разговоров, массмедиа и интернета до экспертных высказываний и текстов. Дискурсы всегда существуют внутри конкретного исторического, политического и культурного контекста. Дискурсы отражают и закрепляют расхожие представления, определяя то, как мы осмысливаем и проживаем свою телесность, как мы обращаемся с собственным телом. Анализ дискурса стал популярным жанром критического разбора того, как различные формы человеческой телесности репрезентируются в массмедиа, экспертной литературе и в частных сообщениях людей о том, как они осмысливают и переживают свою телесность [Jacobus, Keller, Shuttleworth, 1990; Lupton, 1992; Mitchell, Snyder, 1997].

Понятие дискурса часто используется в качестве важного концепта в исследованиях жира/критических исследованиях веса. Такого рода разборы не просто деконструируют дискурсивное измерение тучности, они также стремятся выявить измерение власти в подобных репрезентациях. Те, кто занимается исследованиями жира/критическими исследованиями веса, часто задаются следующими вопросами: чьи интересы обслуживаются благодаря воспроизведению доминирующего дискурса о тучности? Какие практики создаются, оправдываются и поддерживаются этими дискурсами? Каким образом эти дискурсы поддерживают различие между Я и Другим? Можно ли сопротивляться этим дискурсам и практикам, можно ли их разрушить?

Согласно постструктуралистскому подходу к проблеме тучности состояние под названием «ожирение» возникло только после того, как было принято решение присвоить это наименование определенному сочетанию телесных характеристик. Сам ярлык «ожирение» присваивается определенным индивидам в соответствии с индексом массы тела (ИМТ), который в свою очередь является результатом решения ввести специфические телесные характеристики в математическую формулу, чтобы на выходе получить число. Точно так же принимается решение произвести произвольную разметку, чтобы обозначить на шкале «недостаточный

вес», «нормальный вес», «избыточный вес» и «ожирение». Когда эти «зарубки», опять-таки в произвольном порядке, были сдвинуты вниз по шкале, еще больше людей стали считаться «страдающими от ожирения» и тем самым больными и подверженными множеству рисков, несмотря на то что масса тела у них осталась такой же, какой была до изменения разметки шкалы. Точно так же никакой «эпидемии ожирения» не существовало до тех пор, пока в игру не были введены определенные способы сбора и оценки данных о массе тела у населения. Такие решения всегда обладают социальной, культурно-исторической и очень часто политической природой.

Критические исследования проблематики ожирения и тучности опираются также на социологическую литературу по теме медикализации [Conrad, 1992; Lupton, 1997; Clarke, Shim, 2011; Ortiz, Kawachi, Boyce, 2017], выявляя и подвергая критике стремление медицины взять под свое крыло определенные телесные феномены или социальные проблемы, тем самым переводя их в разряд подлежащих медицинскому диагностированию и лечению. В истории полно примеров состояний, которые когда-то считались «медицинской проблемой» или «патологией», но затем утратили свой медикализированный статус. Наделение тучности статусом медицинской проблемы [Rasmussen, 2012; Ortiz, Kawachi, Boyce, 2017] происходит по той же схеме, что и некогда медикализация и патологизация таких состояний (conditions), как, например, истерия или гомосексуальность.

Кросс-культурный подход в антропологических исследованиях позволяет выявить различные способы осмысления и переживания размеров и веса тела. Антропологи используют термин «культурно обусловленный синдром» для описания социокультурного конструирования видов патологии [Griffith, 2014]. Болезнь или состояние считаются «культурно обусловленными», если они специфичны для системы представлений, сложившейся в конкретном культурном контексте, например в определенной стране или подгруппе в пределах той или иной географической зоны. Некоторые антропологи утверждают, что ожирение является таким культурно обусловленным синдромом, специфичным для современного западного культурного контекста. Они указывают, что состояние «ожирения» определяется на основании представлений о том, что тучность – это нездоровье и физическое проявление слабости и отсутствия самодисциплины, а также на основании соответствующих технологий (весы, сантиметровая лента, диетические справочники и т.п.), с помощью которых производятся измерения тучности, чтобы присвоить ей ярлык и начать ее лечить [Ritenbaugh, 1982].

Антропологические исследования показали, что в ряде незападных стран тучность рассматривается как физически привлекательная черта, знак хорошего здоровья и благополучия, а не как примета болезни или отклонения [Kulick, Meneley, 2005; Brewis et al., 2011]. Историки, исследующие концепцию тучности в западных обществах прежних эпох, отмечают, что представления о тучной телесности и способы обхождения с нею изменялись с течением времени [Gilman, 2010; Forth, 2012; 2013]. Это не значит, что тучность лишь недавно стала восприниматься как отталкивающая и вызывающая презрение. Отношение к тучному телу с древности было амбивалентным, лишь в определенных условиях тучность рассматривалась как позитивная телесная характеристика. Хотя в некоторые эпохи тучность считалась знаком здоровья и процветания, тем не менее в культурном восприятии внешнего вида возобладали другие устойчивые идеи, складывавшиеся веками. Со времен Античности философы и врачи говорили о том, что контроль над режимом питания и размерами тела необходим не только для физического здоровья, но и для нравственного. Уже в те времена размер тела ассоциировался со стандартами и принципами надлежащего поведения, позволявшими судить о значимости и ценности человека [Carden-Coyne, Forth, 2005; Forth, 2012; 2013].

Тучность – динамическая и постоянно меняющаяся категория в современном непрофессиональном сознании и в медицинской культуре. Например, несмотря на то что индекс массы тела, используемый в клинике для обозначения людей как страдающих от «избыточного веса»

или «ожирения», очень четко идентифицирует тех, кто подпадает под эти категории, представления о тучности остаются относительными и произвольными. Человек, у которого не нашли клинического ожирения или даже избыточного веса согласно индексу массы тела, тем не менее может считать себя тучным, потому что перестал влезать в одежду, которую носил раньше; в то время как тот, кто всю жизнь обладал дородным телосложением, не считает себя «тучным», даже если так думают о нем другие, потому что это привычное для него телесное состояние. Даже в клиническом контексте тучность зависит от разных обстоятельств. Тому, у кого 35 по индексу массы тела (это «ожирение»), семейный терапевт, скорее всего, посоветует сбросить вес; в то время как тот, кто снизил показатель 65 («экстремальное ожирение») до 35 благодаря желудочному бандажу, с точки зрения своего хирурга больше не считается подлежащим медицинскому вмешательству. Не только сам человек считает себя значительно похудевшим, но и его врач, который привык наблюдать и лечить пациентов с экстремальным ожирением, полагает, что он «в пределах нормы» или же что у него просто «избыточный вес, как у многих людей», поэтому его тучность вполне приемлемая, а не «опасная» для здоровья [Throsby, 2012, p. 6]. Некоторые критики даже утверждают, что все мы до такой степени интернализировали «жирофобическую ненависть к себе», что даже худые люди недовольны размерами своего тела и испытывают настоящую потребность в самодисциплине, чтобы оставаться худыми, и что большинство людей «чувствуют себя толстыми» в те или иные периоды своей жизни [Mitchell, 2005; Burgard et al., 2009, p. 337; Wann, 2009].

«Ожирение» под вопросом

На критические исследования и фэт-активизм также повлияли политические движения, связанные с политикой идентичности, телесными различиями и преодолением засилья медицины. Один из таких влиятельных трендов – растущий скептицизм общественности в отношении медицины и стремление образованных слоев общества и представителей среднего класса оспорить авторитет медицины. Важную роль здесь играет интернет, предоставляя пользователям альтернативные источники медицинской информации: люди могут искать в Сети интересные их медицинские подробности и вступать в группы поддержки, члены которой делятся информацией и личным опытом. Это создает для активистов возможность критиковать медицинское знание и призывать к политическим действиям [Kivits, 2013; Lupton, 2016c; 2017b].

Феминизм второй волны, бросивший вызов доминирующему дискурсу женской телесности, стал влиятельнейшим предшественником фэт-активизма и критических исследований, посвященных тучности. Подавляющее большинство фэт-активистов – женщины, называющие себя феминистками. В 1980-х, 1990-х годах и в начале XXI в. авторы феминистского толка выпустили множество важных книг и статей о социокультурных аспектах расстройств пищевого поведения, таких как анорексия, булимия и компульсивное переедание, и их связи с концепцией идеального – худого – женского тела (см., напр.: [Bordo, 1993; van't Hof, Nicolson, 1996; Malson, 2003; Squire, 2003]). С начала века в ответ на дискурсы и практики борьбы с ожирением их критический фокус сместился в сторону исследования того, каким образом идеи женской телесности пересекаются с культурными представлениями о тучности. Интересно, что обе эти темы соотносят размеры тела, идеал женской телесности и контроль над телом с питанием и упражнениями. Об этом мы будем говорить в последующих главах.

Гей-, или квир-движение также повлияло на фэт-активизм и академические исследования, посвященные тучности. Близкое сходство прослеживается между исследованиями жира/критическими исследованиями веса и социокультурными исследованиями ВИЧ/СПИД. Когда ВИЧ/СПИД возник как новое медицинское явление в начале 1980-х годов, то, поскольку впервые он был обнаружен у мужчин-геев в связи с их сексуальными практиками, вокруг него сложился комплекс моральных суждений, наделявших его как медицинским, так и бытовым значением. Представители социальных и гуманитарных дисциплин создали значительный корпус исследовательских текстов, выявляющих и подвергающих критике эти значения, а также осмысливающих социокультурные аспекты ВИЧ/СПИД (см., напр.: [Patton, 1986; Bersani, 1987; Watney, 1987; Carter, Watney, 1989; Lupton, 1994]). Важной частью критических исследований ВИЧ/СПИД был политический активизм. Гей-активисты, как и фэт-активисты, стремились развенчать стигматизирующий моралистический дискурс, сложившийся вокруг этого состояния. Таким образом, академические исследования и культурный активизм вокруг ВИЧ/СПИД, а также исследования и политический активизм феминизма во многом создали почву для возникновения фэт-активизма и исследований жира.

Еще одно социальное движение и область академического интереса, обнаруживающие большое сходство с исследованиями жира и критическими исследованиями веса, – это критические исследования инвалидности. «Социальная модель» инвалидности рассматривает инвалидность как социальный конструкт. Сторонники этого подхода утверждают, что люди с ограниченными телесными возможностями или расстройствами, создающими отклонение от нормы, оказываются стигматизированными и исключенными из социума, поскольку их изображают неполноценными [Hughes, Paterson, 1997; Shakespeare, 2006]. Те, кто отстаивает социальную модель, оспаривают представление об инвалидности как о «личностном дефиците» и указывают на нехватку физического пространства, фондов и служб поддержки для людей с инвалидностью. Они утверждают, что подлинный источник «инвалидности», «недееспособ-

ности» этих людей – это неспособность общества создать приемлемые условия для людей с физическими или интеллектуальными отклонениями от нормы. Активисты, занимающиеся проблемами инвалидности, требуют улучшения качества служб поддержки для инвалидов, а критические академические исследования инвалидности изучают социокультурные аспекты инвалидности [Mitchell, Snyder, 1997; Shildrick, 2012; Goodley et al., 2017]. Некоторые авторы, пишущие о тучной телесности, утверждают, что тучность надо рассматривать как инвалидность, и с этой целью заимствуют ряд теоретических положений, разработанных критическими исследованиями инвалидности (об этом я буду более подробно говорить дальше). В более широком смысле и тех, и других исследователей (тучности и инвалидности) объединяет общее стремление выявлять и оспаривать стигму, маргинализацию, исключение и порицание, возникающие в качестве реакции на ненормативные телесные особенности и возможности.

Множество критических исследований ожирения привлекают внимание к разнообразию культурных форм, отображающих человеческую телесность. Начиная с конца XX в. было опубликовано множество работ в области гуманитарных и социальных наук, посвященных изображению тучности в литературе, кино, новостных репортажах, здравоохранительных кампаниях и рекламе. Когда в массмедиа стала широко освещаться «эпидемия ожирения», фокус критических исследований сместился на негативное изображение тучной телесности. Исследователи пытались критиковать такое стигматизирующее изображение тучности и его воздействие на то, как мы воспринимаем и проживаем свою телесность и идентичность.

Прежде у людей было не очень много возможностей реагировать в форме сопротивления или активизма на негативное изображение их телесности в массмедиа, но с появлением интернета и цифровых технологий возникли новые медиа, предлагающие пользователю возможность гораздо более активного вовлечения. Новые цифровые медиа и устройства, особенно появившиеся в последнее десятилетие, опирающиеся на идеал совместного использования и демократии участия [Beer, 2013; van Dijck, 2013; John, 2017], дали людям всех телесных типов возможность не только потреблять медиаконтент, но и самим его создавать, комментировать, делиться в соцсетях и управлять им.

Визуальные изображения различных типов человеческой телесности оказывают огромное влияние на то, как воспроизводятся и создаются нормы и представления об идеальном и маргинализированном теле. Селфи, или автопортрет с помощью смартфона, – один из примеров того, как цифровые устройства и соцсети способствуют производству и широкой циркуляции образов себя [Rettberg, 2014; Hess, 2015; Senft, Baym, 2015]. Гифки и мемы – еще один пример визуального отображения человеческой телесности. Гифки – это очень короткие закольцованные видео без звука, а мемы – картинки с остроумными подписями. Они активно используются в качестве реакции на что-то или для передачи настроения. Пользователи могут создавать их сами или просто делиться ими с другими пользователями. Еще один способ передачи информации – хештег, повсеместно используемый в соцсетях (особенно на таких платформах, как Instagram, Tumblr и Twitter), чтобы привлечь внимание, сделать отсылку, помечать тему, группу или сообщество.

Все это происходит в сложной кроссплатформенной среде: формы и практики цифровой репрезентации постоянно меняются, в цифровых медиа все интенсивнее идет процесс конвергенции, они становятся самореферентными. Цифровые медиа и устройства – это социокультурные артефакты. Как и любой вид материальной культуры, эти артефакты можно изучать и подвергать критическому анализу, чтобы понять, как именно они создают и воспроизводят доминирующие нормы, нравственные ценности, мнения по умолчанию и практики, касающиеся веса, размеров и формы человеческого тела [Lupton, 2014]. В этой книге я постоянно ссылаюсь на критические разборы изображения в новостных медиа тучности и других форм человеческого тела и показываю, как эти исследования используются для того, чтобы сопротивляться фэт-шеймингу и стигматизации.

Обзор глав

В главе 2 я рассматриваю разные способы «думать о жире»: с точки зрения борьбы с ожирением, критического биохимического подхода, либертарианского подхода, с точки зрения этики, критических исследований веса/исследований жира и фэт-активизма. Мы поговорим о выдающихся теоретиках, чьи работы были использованы в социокультурном анализе жира, и тем самым очертим теоретический контекст, необходимый для наших дальнейших рассуждений.

В главе 3 речь пойдет о том, как осуществляется управление телом в дискурсе ожирения. Здесь мы будем преимущественно опираться на такие фукианские концепты, как правительственность, биовласть, биополитика и практики себя, чтобы показать, какой вклад вносят дискурсы медицины и здравоохранения в представления о теле как нуждающемся в дисциплине, мониторинге и надзоре для выявления и предотвращения ожирения.

В главе 4 рассматриваются нравственные смыслы, лежащие в основе современных представлений о тучности, а также склонность считать тучное тело гротескным и трансгрессивным, вызывающим глубокое чувство отвращения. В этой главе я утверждаю, что тучное тело бросает вызов доминирующим представлениям о контроле над границами тела и таким образом представляет угрозу для идеализированных образов Я и телесности, а также социального порядка.

В главе 5 я исследую телесное переживание тучности: что такое быть тучным, ощущать себя тучным. Я опираюсь на эмпирические данные исследований, в ходе которых опрашивались тучные люди, а также на работы исследователей, занимающихся проблемой жира, посвященные опыту переживания тучности, и на материал из соцсетей и других интернет-источников.

В главе 6 рассматривается движение фэт-активистов, их политика и дискурс в отношении тучного тела. В ней также освещаются дебаты по поводу политики принятия размеров своего тела и того, кто имеет право говорить о тучной телесности.

Книга завершается рядом коротких заключительных комментариев о том, можно ли утверждать, что влияние дискурса ожирения стало ослабевать, и о природе и источниках сопротивления этому дискурсу, а также обзором важнейших тем, лежащих в основе дискуссий, о которых идет речь в книге.

Глава 2

Как думать о жире

Обзор различных точек зрения

В экспертной, популярной и научно-исследовательской литературе представлены разнообразные точки зрения относительно тучной телесности. Самая известная – это «борьба с ожирением»: согласно ей тучность – это серьезная угроза здоровью и социальная проблема, которую нужно безотлагательно решать и предотвращать. Но существуют и другие мнения, которые по разным причинам оспаривают позицию борьбы с ожирением. После краткого обзора этой позиции мы перейдем к обсуждению различных критических подходов к проблеме тучности, таких как биомедицинский, либертарианский и этический, а также поговорим о критических исследованиях веса/исследованиях жира и фэт-активизме.

Борьба с ожирением

Для тех, кто проводит исследования и пишет с позиций борьбы с ожирением, – ученых, государственных деятелей, людей, отвечающих за формирование политики в той или иной области, практикующих специалистов в области медицины, питания, здравоохранения (в том числе эпидемиологии и укрепления здоровья населения), а также специалистов в области социальных наук – жир, как правило, не является тем, что нужно проблематизировать и подвергать критическому осмыслению. Для них тучность (которую они предпочитают обозначать как «избыточный вес», «лишний вес» или «ожирение») – это серьезный риск для здоровья, которому подвергаются те, кто попадает в категорию страдающих от ожирения или избыточного веса: тучность ассоциируется с сердечно-сосудистыми заболеваниями, диабетом и преждевременной смертью. С этой точки зрения, число людей с ожирением и избыточным весом стремительно увеличивается и уже достигло беспрецедентного уровня во многих странах, как западных, так и развивающихся, отсюда и частое употребление в подобной литературе терминов «эпидемия ожирения» и «глобоожирение» – последний означает распространение эпидемии в мировых масштабах.

Теоретики и практики борьбы с ожирением утверждают, что нужно принимать срочные меры по поводу растущей угрозы ожирения из-за риска для здоровья, который, по их мнению, связан с тучным типом тела. Они призывают людей с избыточным весом или ожирением худеть, чтобы избежать заболеваний, сократить с этой целью потребление пищи и питья и делать больше физических упражнений в качестве превентивных мер. Во вступлении к отчету британского правительства (2011 г.) под названием «Здоровые жизни, здоровые люди: призыв бороться с ожирением» говорится:

Избыточный вес и ожирение – прямое следствие усвоения с пищей и питьем большого количества калорий, которые почти не расходуются. Мы должны честно признаться самим себе, что в нашей жизни необходимы перемены, позволяющие контролировать вес. Увеличение физической активности очень важно, но для тех из нас, кто страдает от избыточного веса и ожирения, ключ к решению проблемы – меньше есть и пить, чтобы сбросить вес [Department of Health, 2011, p. 3].

Дискурс борьбы с ожирением приобрел огромную известность благодаря той славе, которую ему создали новостные СМИ, документальные телефильмы, реалити-шоу, книги, журналы и сайты, посвященные проблемам здоровья и веса и рекламирующие товары для похудения, а также благодаря заявлениям представителей правительства и кампаниям по укреплению здоровья населения. «Эпидемия ожирения» неустанно освещалась в новостных медиа стран Северного полушария, таких как США, Великобритания, Канада, а с конца 1990-х годов и в Австралии, а в научных отчетах о проблеме ожирения все более настойчиво утверждалось, что ожирение – это угроза общественному здоровью и здравоохранительной системе. В ответ на эти отчеты новостные медиа выпускали еще больше материалов по теме. Многочисленные репортажи говорили об «эпидемии ожирения», «кризисе ожирения», «войне с ожирением», подхватывая выражения, используемые специалистами в области медицины и здравоохранения, а также теми, кто отвечал за политику в этих сферах. Таким образом, новостные СМИ были главным источником, транслировавшим своей аудитории чувство катастрофы и угрозы, связанной с ожирением [Lupton, 2004; Gard, Wright, 2005; Boero, 2007; Saguy, Almeling, 2008; Holland et al., 2011].

Исследователи, работавшие в парадигме борьбы с ожирением, стремились в своих работах выявлять «факторы риска» для ожирения, физиологические процессы, провоцирующие

ожирение, генетические причины ожирения; предлагали медицинские решения, а также решения, связанные с изменением образа жизни и питания; устанавливали статистические отношения между весом и различными заболеваниями и состояниями, такими как повышенное кровяное давление, диабет второго типа, сердечно-сосудистые заболевания, ранняя смертность. Исследователи в области здравоохранения сосредоточились на выявлении «групп риска», статистическом «картографировании» географических областей и классификации социальных групп, чтобы выявить, в каких областях и слоях преобладают люди с ожирением или избыточным весом. Социологи старались выявить социальные факторы, обуславливающие поведение, которое становится причиной тучности (нездоровое питание, недостаток физических упражнений); социальные группы, более всего «подверженные риску» ожирения, и причины такой подверженности; а также географические зоны проживания групп с «высоким уровнем риска». По результатам таких исследований, устанавливавших области распространения, причин и последствий ожирения, было создано множество очень влиятельных и хорошо финансируемых организаций в отдельных странах и на международном уровне, в том числе Международная ассоциация изучения проблемы ожирения и Международная целевая группа по ожирению. Множество стран в Северном полушарии финансируют большое количество кампаний за здоровый образ жизни, цель которых – просвещать население по поводу рисков, связанных с ожирением, а также побуждать тех, кто уже оказался в зоне такого риска, сбрасывать вес. В их числе – британские кампании «Change4Life» («Измени жизнь навсегда») и «Food4Thought» («Пища для ума»), американские «Small Steps» («Малыми шагами»), «Let's Move» («Всегда в движении») и «Strong4Life» («Сила навсегда»), австралийские «Measure Up» («На уровне»), «Swap It, Don't Stop It» («Меняйся к лучшему») and «LiveLighter» («Живи налегке»).

Дискурс борьбы с ожирением в основном возлагает всю ответственность за контролем над весом на индивида. Однако внутри этого дискурса все же есть направление, которое основывается на более социологическом и пространственном подходе к проблеме ожирения, выявляя социально-экономические причины увеличения числа людей с избыточным весом и ожирением. Некоторые эксперты по борьбе с ожирением говорят о «жирогенной среде» (*obesogenic environment*), или о среде, облегчающей появление ожирения [Lipek et al., 2015]: изобилие дешевой, низкого качества, высококалорийной пищи, огромное количество точек фастфуда и популярность рекламы фастфуда; женщины влились в рабочую силу и стали меньше готовить дома здоровую пищу, дети и подростки все больше привыкают к сидячему образу жизни (телевизор, компьютерные игры), люди малоподвижны в силу современных рабочих и транспортных условий. В этих дискурсах устройство городов рассматривается как фактор, который может способствовать «эпидемии ожирения» или, наоборот, помогать бороться с ней. Определенные реальные структуры (*physical institutions*) – дом, школа, работа – были выбраны основным местом распространения информации о контроле над весом [Pearce, Witten, 2016]. Структурные факторы, которые, как считается, способствуют распространению ожирения, очень трудно изменить, потому что они являются частью сложного переплетения производства, маркетинга и дистрибуции сельскохозяйственной продукции, а также глубоких социальных изменений в рабочей и повседневной жизни. Тем не менее различные потребительские лоббистские группы и организации постоянно призывают правительство наложить ограничения на деятельность крупных производителей продуктов питания (например, установить контроль за рекламой вредной еды), обеспечить больше велодорожек и парков, где люди могли бы заниматься физическими упражнениями, изменить вид питания в школьных столовых и т.д.

Озабоченность стремительным распространением ожирения повсюду в мире, в том числе в развивающихся странах, стала проявлением тревоги, вызванной глобализацией, разрушением традиционного уклада жизни и модернизацией. Дискурсы, сложившиеся вокруг идеи глобоожирения, проводят мысль о том, что глобализация и модернизация нанесли ущерб тра-

диционным пищевым привычкам, приведя к обогащению немногих и обнищанию остальных. «Традиционная культура» в этих дискурсах рассматривается как культура «благородного дикаря», здоровая в своем естественном состоянии, но портящаяся теперь под действием «цивилизации» [Gilman, 2010]. Гилман [Gilman, 2008] указывает на сходство дискурсивной репрезентации «эпидемии ожирения» с дискурсами вокруг вспышек тяжелого острого респираторного синдрома (ТОРС), коровьего губчатого энцефалита (коровьего бешенства, КГЭ) и птичьего гриппа: все эти заболевания связывали с загрязнителями в пищевой цепи. Эти болезни, как и ожирение, объяснялись загрязнением, порчей пищевых продуктов вследствие процессов модернизации, отходом от традиционных способов производства и потребления пищи. В незападных странах в дискурсах ожирения преобладает обобщенный образ «Запада» (обычно Соединенных Штатов), портящего традиционные национальные культуры и насаждающего тучность. Например, в Китае ожирение рассматривается как результат «вестернизации» китайского общества: импортированная вредная западная пища замещает традиционную китайскую, «здоровую». Дискурс ожирения в Китае свидетельствует, таким образом, о беспокойстве по поводу стремительных перемен в китайском обществе, ведущих к деградации традиционной морали и вырождению нравов в результате проникновения западного образа жизни в традиционную культуру [Gilman, 2010].

Критические подходы

Дискурс борьбы с ожирением подвергается критике с разных теоретических и политических позиций.

Критический биомедицинский подход

С прямой критикой доминирующего дискурса на его же собственной территории, т.е. с помощью контраргументов, выдвинутых на основании анализа научно-медицинской и эпидемиологической литературы, выступают исследователи и наблюдатели, которых я объединила под рубрикой «критический биомедицинский подход». Сюда относятся эксперты из самых разных областей, главным образом представители социальных наук, но также и специалисты в области медицины и здравоохранения.

К выдающимся представителям критического биомедицинского лагеря относятся американцы Глен Гессер, инструктор по лечебной физкультуре, написавший книгу «Большая жирная ложь: правда о вашем весе и здоровье» [Gaesser, 2002], Пол Кампос, ученый-юрист и автор книги «Миф об ожирении: Почему одержимость американцев своим весом вредит здоровью» [Campos, 2004] и Дж. Эрик Оливер, политолог, перу которого принадлежит книга «Политика жира: Что скрывается за эпидемией ожирения в Америке» [Oliver, 2006]. Хотя все эти авторы пишут в основном в расчете на широкую аудиторию, они также публиковались в уважаемых медицинских и научных изданиях, таких как «New Scientist» и «The International Journal of Epidemiology», и в академических монографиях (см., напр.: [Campos et al., 2006; Campos, 2011]). Они утверждают, что дискурс борьбы с ожирением базируется на ошибочной интерпретации данных или излишних обобщениях, и используют данные из альтернативных научных источников, чтобы показать, что их собственные научные утверждения являются более «точными» и «истинными», чем доводы сторонников борьбы с ожирением. Они доказывают, что открытия исследователей проблемы ожирения – это «псевдооткрытия, подаваемые в качестве непреложного факта», имеющие под собой «очень шаткие основания», по выражению Оливера [Oliver, 2006, p. x].

Вот как вкратце можно изложить основные доводы представителей критического биомедицинского подхода.

- Число тучных людей, по сравнению с тем, что было несколько десятилетий назад, вовсе не увеличилось в драматических пропорциях. Действительно, наблюдается небольшое увеличение средней массы тела, но это нельзя считать «эпидемией ожирения».
- Продолжительность жизни в западных странах увеличилась, а не уменьшилась, несмотря на якобы растущие темпы «эпидемии ожирения» и предполагаемую угрозу жизни и здоровью, которую несет в себе ожирение.
- Нет никаких статистических доказательств того, что тучность обязательно подразумевает риск для здоровья. Статистика показывает, что негативные для здоровья последствия обнаруживаются только у людей на крайнем конце спектра («морбидное ожирение» в медицинской терминологии). Данные показывают, что у людей старшего возраста лишний вес, наоборот, бывает даже полезен для здоровья.
- Эпидемиологическая литература не смогла продемонстрировать, что значительное снижение веса улучшает здоровье тучных людей. А вот постоянные попытки тучных людей сбросить вес, напротив, могут ухудшить их здоровье из-за экстремальных диет, порочного круга снижения и набора веса или неправильного питания.
- Тучность зачастую является симптомом, а не причиной заболеваний.

- Упражнения, тренирующие сердечно-сосудистую систему, и регулярная физическая активность важнее для здоровья, чем вес.

С учетом такого рода критики дискурса борьбы с ожирением представители критического биомедицинского подхода призывают сосредоточиться на «здоровом образе жизни», подразумевающем регулярные физические упражнения и правильное питание, а не на снижении веса как таковом. Они столь же страстно пропагандируют свои теории здоровья и хорошей физической формы, как сторонники борьбы с ожирением пропагандируют снижение веса. Тем самым они все равно действуют в рамках биомедицинской парадигмы, просто отдают предпочтение другим научным открытиям и аргументам [Gard, Wright, 2005].

Тем не менее некоторые из этих авторов уделяют внимание тому, что они считают политическим аспектом дискурса «эпидемии ожирения». Они утверждают, что сторонники борьбы с ожирением выдвигают свои слабо обоснованные доводы потому, что их финансируют фармацевтические компании и компании, производящие товары для снижения веса; их позиция позволяет им получать крупные гранты на исследования, поскольку они являются представителями организаций и ведомств, которые могут добиваться выделения значительных средств на борьбу с «кризисом ожирения». Оливер, например, пишет: «Люди, которые заявляют, что ожирение – серьезная угроза для здоровья, больше всех выигрывают от того, что ожирение классифицируется как болезнь» [Oliver, 2006, p. 6]. Кампос высказывается еще более решительно, утверждая, что в основе заявлений некоторых исследователей и активных сторонников принятия определенной государственной политики, поддерживающих «пропаганду ожирения», лежат финансовые интересы и что они намеренно вводят публику в заблуждение во имя этих интересов [Campos, 2004, p. xvii]. Он настаивает на том, что эти эксперты сознательно подвергают дискриминации тучных людей, объявляя их «социальными изгоями», насаждая против них «предубеждения и нетерпимость». Как мы видим, представители этого критического подхода могут быть столь же склонны к обобщениям и экстремальным высказываниям, как и их оппоненты из лагеря борьбы с ожирением.

В последнее время стали появляться работы таких эпидемиологов, как Кэтрин Флегал, которые также оспаривают доводы сторонников идеи «эпидемии ожирения». Так, например, в статье, опубликованной в журнале Американской медицинской ассоциации в 2013 г. [Flegal et al., 2013], Флегал со своей командой обнародовала результаты исследования, показывающие, что, в пределах одного и того же отрезка времени, американцы, обладающие «избыточным весом» согласно индексу массы тела, менее подвержены риску смерти, чем американцы с «нормальным весом». Несмотря на публикации в уважаемых журналах, эти эпидемиологи подвергаются резкой критике со стороны своих коллег: главным образом потому, что они усомнились в общепринятой позиции относительно природы и масштабов «эпидемии ожирения». Критики также высказали мнение, что такого рода исследования препятствуют экспертам в области медицины и здравоохранения продвигать простую и ясную идею ожирения. Один известный эпидемиолог в своем выступлении на государственном радиоканале даже назвал это исследование «кучей мусора»; для опровержения методов и находок исследования был организован симпозиум и опубликовано несколько писем в том же журнале [Hughes, 2013].

Небольшое число мятежных диетологов также пишут скептические научные работы, в которых подвергают критике науку об ожирении. Эти критики призывают других специалистов по диетологии отказаться от чрезмерной сосредоточенности на снижении веса с помощью диет и отстаивают подход, согласно которому здоровье доступно людям самых разных телесных пропорций. Как и те критики, о которых речь шла выше, радикальные диетологи утверждают, что залог здоровья – это физическая нагрузка и здоровое питание, а не вес сам по себе [Aphramor, 2005; Aphramor, Gringas, 2008; Aphramor, 2011].

В задачи этой книги не входит оценивать аргументы и контраргументы сторонников борьбы с ожирением и тех, кто относится к этой идее скептически, поскольку это уже было

подробно и плодотворно изучено в других работах (см. авторов, упомянутых выше, а также [Gard, Wright, 2005; Gard, 2011]). Моя цель, скорее, в том, чтобы подчеркнуть, что хорошо обоснованные альтернативы доминирующей точке зрения на ожирение существуют и что их необходимо учитывать, если мы хотим понять, как современные западные общества реагируют на проблему тучности. Интересно отметить, что, несмотря на постоянно расширяющийся корпус текстов, созданных представителями критического биомедицинского подхода, их аргументы по большей части еще не были до конца осознаны и не получили ответа от сторонников борьбы с ожирением и массмедиа. Эти авторитетные и влиятельные инстанции продолжают придерживаться той точки зрения, что необходимость борьбы с ожирением беспорна.

Либертарианские скептики

Авторы, на которых мы ссылались выше, обычно придерживаются либеральных политических взглядов, упрекая производителей товаров для похудения в том, что они заинтересованы с финансовой точки зрения в продвижении политики борьбы с ожирением. Ирония состоит в том, что их аргументы были подхвачены консервативными организациями и политическими группами правого толка, такими как Центр свободы потребителей США (US Center for Consumer Freedom) – объединение ресторанов, компаний, производящих продукты питания, и потребителей, которые борются с представлениями о необходимости сокращения потребления пищи во имя здоровья, поскольку видят, что подобная тенденция угрожает их доходам. Такие группы сопротивляются контролю государства над пищевыми привычками и рекламой еды, отстаивая вместо этого право на личную ответственность, автономность и выбор потребителя и отвергая государственное регулирование [Halse, 2009; Herrick, 2009]. Подобные организации и индивиды образуют еще одну группу скептиков, у которых свой коммерческий интерес: они не хотят потерять потребителей своей продукции. Такие скептики часто «забывают» упомянуть, что они лоббисты отрасли, защищающие свои собственные коммерческие интересы [Gard, 2011].

К скептикам от тех или иных отраслей примыкают либертарианские политические лоббисты, зачастую представители правого политического крыла или прорыночных аналитических центров в США и Великобритании, с презрением относящиеся к «государству-няньке», которое пытается навязать свои взгляды гражданам. Некоторые авторы из этого лагеря, например написавшие книгу «Национальный режим питания: Разоблачение крестового похода против ожирения» (Diet Nation: Exposing the Obesity Crusade) [Basham, Gori, Luik, 2006], даже пытаются представить сторонников борьбы с ожирением «социалистами», которые сопротивляются законам капитализма [Gard, 2010]. Эта группа рассматривает попытки государства убедить граждан сбросить вес с помощью кампаний по оздоровлению населения, вторжения в кабинеты врачей, законодательской работы, направленной на уменьшение эффектов «жирогенной среды», контроля над поставками определенных продуктов в школы как посягательство на свободу и автономию индивида. Несмотря на то что эти группы принимают на вооружение некоторые утверждения представителей критического биомедицинского подхода, чтобы подкрепить собственные доводы, они все же не оспаривают напрямую аргументы науки об ожирении [Ibid.].

Этические вопросы

Отдельно от дискуссий вокруг обоснованности доводов науки об ожирении ряд специалистов по этике в сфере медицины и здравоохранения поставили вопрос об этичности кампаний и программ, направленных на борьбу с ожирением. Они утверждают, что тотальная сосредоточенность на проблеме веса нарушает права человека: так, кампании по оздоровлению, а

также рекламирование спортивных услуг и продукции для контроля веса, направленные на стигматизацию и высмеивание тучных людей, нарушают право на достоинство. Они указывают, что тучные люди также постоянно подвергаются дискриминации и плохому обращению из-за их внешности (в том числе и со стороны медицинских работников), нападкам на свою частную жизнь и репутацию, на них оказывают давление, убеждая сбросить вес (см. также гл. 5), – все это является нарушением прав человека.

Авторы, критически относящиеся к этическим проблемам, возникающим в связи с требованием контроля над весом, утверждают, что обязательство медиков и представителей здравоохранения оберегать достоинство и тайну частной жизни, обращаться со всеми одинаково и «не навредить» постоянно нарушается в связи с тем, как изображают тучных людей и как с ними обращаются. Они задаются вопросом, насколько оправданно непрошеное патерналистское вмешательство в жизнь тучных людей, на которых взваливают ответственность за вес их тела, пытаясь заставить их изменить свой образ жизни и похудеть, особенно если это вмешательство приводит к бесконечным циклам диет и повторного набора веса, а также к чувству вины и стыда у тучных людей [Holm, 2007; Puhl, Neuer, 2010; O'Hara, Gregg, 2012; Phelan et al., 2015].

В этих работах также обсуждаются этические и нравственные аспекты бариатрического хирургического вмешательства, предлагаемого в качестве «решения проблемы» ожирения. Были поставлены следующие вопросы: стоимость процедуры, побочные эффекты, потенциально несправедливое назначение процедуры только тем, кто может себе ее позволить; в какой степени обеспечивается автономия и информированное согласие пациента и следует ли осуществлять хирургическую модификацию органов, не являющихся дисфункциональными или больными [Hofmann, 2010]. Вытекающие из обращения к бариатрической хирургии как способу борьбы с «эпидемией ожирения» представления о тучности как об индивидуальной и медикализированной проблеме, которые игнорируют социально-экономические факторы, связанные с весом, также оказываются серьезной этической проблемой [Garrett, McNulty, 2010].

Этот подход, который в целом опирается на биоэтические представления, сформировавшиеся в медицине и здравоохранении, не слишком противоречит медикализированному дискурсу ожирения. Тучность по-прежнему ассоциируется с нездоровым образом жизни и болезнью, просто этот подход настаивает на том, что с людьми, которые с точки зрения медицины считаются страдающими от «избыточного веса» или «ожирения», нужно обращаться уважительно, соблюдая их права. В самом деле, в работах этих авторов часто выражается озабоченность тем, будут ли люди, «страдающие от ожирения», обращаться за медицинской помощью и соглашаться на предписанное лечение, если их подвергают стигматизации (см., напр.: [Schmalz, Colistra, 2016]). Психологическое влияние стигмы веса на тучных людей начинает само по себе рассматриваться как медицинская проблема, которая требует вмешательства профессионалов [Rankin et al., 2016; Farhangi et al., 2017].

Критические исследования веса/ исследования жира

Как я уже отмечала в предыдущей главе, возникновение «эпидемии ожирения» нашло отклик у представителей гуманитарных и социальных наук, которые предложили множество интересных исследований социальных, исторических, культурных и политических аспектов тучной телесности и дискурса ожирения. Некоторые из этих авторов называют свою работу «критическими исследованиями веса» или «критическими исследованиями ожирения», другие предпочитают термин «исследования жира», а ряд авторов, придерживающихся сходных взглядов, тем не менее не относят себя ни к одному из направлений.

Ряд социологов подвергли детальному критическому разбору исследования и программные документы по проблеме ожирения в области медицины и общественного здравоохране-

ния. Как и представители критического биомедицинского подхода, они привлекают внимание к использованию алармистской риторики в специальной литературе, где чрезмерно раздувается статистика, данные по конкретной социальной группе или стране переносятся на другую страну или группу, в докладах допускаются недостоверные или сомнительные утверждения, сложные многосоставные данные преобразуются в упрощенные и потому вводящие в заблуждение «факты», а ничем не подкрепленные предположения превращаются в научные факты. Однако, в отличие от многих авторов (в том числе и некоторых фэт-активистов), пишущих в расчете на широкую публику, эти социологи не стремятся утверждать, что специалисты в области медицины и здравоохранения коррумпированы или обслуживают собственные интересы, сознательно продвигая ложную статистику, чтобы сбить с толку общественность. Вместо этого они пытаются выявить в подобных текстах научные неточности, сложности и противоречия, с помощью социологического подхода обозначая базовые допущения, определяющие выводы, которые делаются исследователями ожирения ([Gard, Wright, 2005; Gard, 2009; 2010; 2011; Monaghan, 2005a; Jutel, 2006]; см. также дальнейшее обсуждение этой позиции в гл. 3).

Специалисты в области социальных и гуманитарных наук (социология, критическая социальная психология, антропология, гуманитарная география, философия, литературоведение, а также междисциплинарные области гендерных, медиа- и квир-исследований) создали корпус ценных текстов, в которых проливается свет на культурные смыслы тучной телесности. Они изучают опыт проживания тучной телесности, применяя техники глубинного интервью и фокус-групп. Они также используют метод текстуального анализа, исследуя такие тексты, как директивные документы, материалы оздоровительных кампаний, телевизионные программы, видео с физическими упражнениями, произведения художественной литературы и театральные постановки, статьи в журналах и газетах, социальные сети и кинофильмы, чтобы показать, как изображается тучная телесность и каким образом эти тексты транслируют своей аудитории доминирующие смыслы. Некоторые из этих исследователей подвергают детальному критическому разбору науку об ожирении, о чем уже говорилось выше. Многие из них используют постструктуралистский подход, чтобы выявить политические аспекты и отношение власти к восприятию тучных людей в современных западных обществах.

На исследования жира в гуманитарных и социальных науках особое влияние оказали работы Мишеля Фуко, посвященные телу, медицинской клинике и медицинскому взгляду, биовласти и биополитике в современных неолиберальных обществах [Foucault, 1973; 1988; 1991; Фуко, 1998; 2003; 2008]. Термины «биовласть» и «биополитика» подразумевают способы производства и воспроизводства властных отношений в контексте человеческой телесности. С этой точки зрения исследователи и практики в области медицины и здравоохранения играют важную роль в том, какими характеристиками наделяется тело, в его регуляции и в надзоре над ним: они выносят решение, что считать «нормальным», а что подлежит экспертному вмешательству. Проведенный Фуко анализ клинического медицинского взгляда, конституирующего и дисциплинирующего тело пациента, в критической литературе применяется к медицинским дискурсам, которые решают, каким должен быть «правильный» вес и размер тела, и характеризуют одни типы телесности, в том числе тучные тела, как патологические, а другие – как нормальные.

По Фуко, основное свойство власти, действующей в медицинском контексте, состоит в том, что она обладает диффузной и капиллярной природой. Она полагается на готовность пациента прийти со своей проблемой к врачу, подробно описать свои симптомы и позволить врачу исследовать свое тело и проинтерпретировать его симптомы. Врач не принуждает пациента участвовать в этом взаимодействии, но в силу своей медицинской подготовки и авторитета дисциплинирует и нормализует тело пациента, помогая тому восстановить здоровье [Armstrong, 1995; Lupton, 1997]. Точно так же дискурсы и стратегии здравоохранения, опираясь на авторитет экспертного знания, нормализуют целевые группы и побуждают их осваивать

практики заботы о себе, чтобы избежать заболеваний [Lupton, 1995; 1996; Petersen, Lupton, 1996].

Работы Фуко о правительности и неолиберализме используются авторами, которые занимаются критическим исследованием веса/исследованиями жира и изучают дискурсы и практики здравоохранения, конструирующего «проблему ожирения» у населения и затем берущего ее под контроль. Техники правительности связаны с нормализацией, или с внедрением дисциплин, знаний и технологий, с помощью которых индивидам предписывается, как они должны себя вести и обращаться со своими телами. Фукианский концепт «практик себя» [Foucault, 1988; Фуко, 2008] также был взят на вооружение, чтобы проанализировать, каким образом относящиеся к здоровью императивы становятся частью конструирования производящего самого себя субъекта, который культивируется в неолиберальных обществах. Практики себя – это способы, с помощью которых индивиды воздействуют на свое тело и свое Я, чтобы достичь счастья и самореализации. Правительность объединяет как практики себя, так и более явные формы внешнего управления, например оздоровительные предписания, которые осуществляются государственными организациями или иными институтами во имя стратегических целей. Эти предписания интернализируются индивидами, которые затем осуществляют их на практике (или же сопротивляются им) в совокупности с другими усилиями, предпринимаемыми с целью достичь идеала «хорошего», «полезного» и «здорового» гражданина [Lupton, 1995; 1996; Petersen, Lupton, 1996].

Ряд ученых, исследующих стигматизирующие аспекты тучной телесности, опираются на работы социолога Ирвинга Гофмана [Goffman, 1963]. Гофман писал о том, как негативные реакции других людей – ярко выраженные неодобрение или отвержение – «портят» идентичность человека. Такого рода реакции, приводящие к возникновению социальной стигмы, могут быть спровоцированы тем, что воспринимается как отличие от нормы или как вид физического уродства. Социальная стигма, результатом которой становится «испорченная идентичность», создает раскол между Я и Другим и влечет за собой такие последствия для социальной жизни стигматизированного индивида, как исключение, маргинализация, остракизм, социальная дискриминация, ограничение доступа к престижным профессиям, жилью, образовательным возможностям и т.д. Таким образом, социальная стигма может стать причиной эмоционального дискомфорта и социально-экономических трудностей. Ценность этой работы, посвященной социальной стигме, становится очевидна в контексте исследований тучной телесности: тучные люди подвергаются оскорблениям и унижению, их стыдят, высмеивают и изображают в массмедиа и популярной культуре как больных, безответственных, невежественных и находящихся за пределами нормы.

Работы французского философа Мориса Мерло-Понти о воплощенном (телесном) бытии также важны для понимания того, как тучные люди проживают свою телесность. Мерло-Понти [Merleau-Ponty, 1962; 1968; Мерло-Понти, 1999; 2006] подчеркивает, что субъективность (самосознание) всегда переживается через телесность. Несмотря на главенствующее в западной мысли представление о том, что разум и тело отделены друг от друга, Мерло-Понти утверждает, что нам никогда не удастся полностью отрешиться от нашего телесного Я. Наше «бытие-в-мире», или переживаемый нами опыт, всегда является воплощенным и всегда осуществляется во взаимодействии с телами других людей. То, как другие люди с нами взаимодействуют, прикасаются к нам, видят нас, – важнейшая часть нашего «бытия-в-мире». В отношении тучной телесности такой подход к телу и Я подразумевает, что они не стабильны и неизменны, а текучи и зависят от взаимодействия с другими людьми. Культурологи и социологи используют такой подход, чтобы исследовать опыт проживания тучной телесности.

Французские философы Делез и Гваттари [Deleuze, Guattari, 1985; 1988; Делез, Гваттари, 2007; 2010], размышляя о теле, вводят еще одно важное измерение – пространственное. Они разработали концепцию «ассамбляжа», «сборки», чтобы с ее помощью объяснить,

как тела взаимодействуют не только с другими телами, но также и с дискурсами, практиками, материальными объектами, нечеловеческими живыми организмами, пространством и местом. Эта концепция выходит за рамки сфокусированности на языке, присущей обычно постструктуралистским теоретическим и исследовательским подходам, и акцентирует роль материальных объектов в формировании Я и тела. Делез и Гваттари предлагают также понятие «территорий», описывающее особенности пространства и места и взаимодействия человеческих и нечеловеческих существ, которые происходят внутри этих территорий, через них и между ними. Здесь снова подчеркивается текучая и динамичная природа осознаваемой и переживаемой телесности. Понятия ассамблежей и территорий особенно активно используются критическими и социальными географами, исследующими материальные и темпоральные измерения, внутри которых перемещаются и проигрываются (are enacted) тела. С помощью этого подхода выявляются различные нюансы и сложности, связанные с тем, каким образом тела занимают пространство в тех или иных местах и как люди разных размеров используют пространство и взаимодействуют с другими людьми и вещами [Longhurst, 2001; Whatmore, 2006; Colls, Evans, 2014].

Феминистские философы также оказали огромное влияние на исследования жира, особенно если учитывать преобладание феминистских авторов среди тех, кто пишет о теле в целом. Например, феминистские исследователи часто опираются на работы Элизабет Гросс [Grosz, 1994; 1995], чтобы выявить скрытые значения женской телесности, в том числе тучных женских тел. Понятие «абъекции» у Юлии Кристевой [Kristeva, 1982; Кристева, 2003] и работы Маргрит Шилдрик о «телах с течью» (leaky bodies) [Shildrick, 1997; 2007; 2012] оказали непосредственное влияние на осмысление тучной телесности. Эти исследователи выявляют символические культурные значения, приписываемые женской телесности, которые подчеркивают текущие состояния женского тела, его неспособность удерживать и его склонность к протечкам (как в переносном, так и в буквальном смысле слова). Они показывают, каким образом тучное женское тело (и феминизированное мужское тучное тело) позиционируется как символический Другой по отношению к Я. Они утверждают, что протечка и проницаемость женской телесности в буквальном и переносном смысле бросают вызов доминирующим западным идеалам сдержанности и контролю над телом/Я. Женские тела репрезентируются в культуре и рассматриваются как низшие, с нехваткой, постоянно рискующие вызвать отвращение. Они – Другой по отношению к идеалу подтянутого, непроницаемого и контролируемого тела белого мужчины из среднего класса.

Из этого следует, что в наше восприятие того или иного типа телесности обычно уже заложены определенные эмоциональные реакции. Тела, которые соответствуют нормативным идеалам, вызывают восхищение и принятие, а тела, отклоняющиеся от нормы, – тревогу, жалость, гнев, презрение и даже ненависть. Авторы, занимающиеся критическими исследованиями инвалидности, отмечают, что люди с ограниченными возможностями часто подвергаются стигматизации и маргинализации, потому что они вызывают у других чувство глубокого беспокойства по поводу телесных норм и того, что значит быть человеком. Любые психические и физические отклонения от нормы воспринимаются как признак зависимости, недостатка автономности и субъектности. Те, кто считаются не соответствующими подобным нормам, воспринимаются как нечто чужеродное, как «не вполне люди» [Shildrick, 2007; 2012; Behuniak, 2011]. В «культурном воображаемом» [Shildrick, 2012, p. 32] тела людей с отклонениями вызывают острую аффективную реакцию, выражающуюся в отвержении на уровне слов и действий. Такого рода реакции проникнуты сильным желанием выявить и затем изгнать Другого. Похожее культурное воображаемое существует и в отношении тучных тел, которые считаются аномальными и потому вызывающими страх и тревогу.

Из делезовского подхода выросли дальнейшие теоретические разработки в области того, что принято называть «социоматериализмом» или «новым материализмом», – акторно-сете-

вая теория [Latour, 2005; Латур, 2014]; работы таких феминистских исследователей, как Донна Харауэй [Haraway, 1991; 2015; Харауэй, 2016], Розы Брайдотти [Braidotti, 2002; 2013] и Карен Барад [Barad, 2003; 2007], – изучающие тесное взаимодействие человеческих и нечеловеческих существ. Это микрополитический подход, который исследует, как отношения власти осуществляются и воспроизводятся на уровне повседневных привычек и практик [Fox et al., 2018; Lupton, 2018]. Он делает акцент не только на пространстве и месте, но и на других материальных аспектах человеческой телесности. В случае с телесным весом к таким аспектам относятся практики производства, потребления, дистрибуции и готовки продуктов питания, цифровые медиа, физические упражнения, компании, производящие товары для похудения, практики лечения и т.д. Новый материализм изучает агентные способности (agential capacities), создаваемые этими ассамбляжами, чтобы понять, что могут делать тела [Goodley, Lawthorn, Cole, 2014; Fox et al., 2018; Fox, Alldred, 2017]. Его также интересует эмоциональное измерение телесных ассамблежей, но в основном этот подход сосредоточивается на том, как чувства материализуются в виде способности оказывать и испытывать воздействие. Внимание заостряется на том, каким образом эмоция/аффект/чувство может действовать в качестве реляционной силы [Kygölä, 2016; Fox, Alldred, 2017].

Некоторые исследователи также применяют квир-теорию, испытавшую в свою очередь сильное воздействие феминистской теории. Этот подход оказался особенно влиятельным в литературоведении, культурологии и в работах фэт-активистов о тучной идентичности и телесности. Квир-теория создана исследователями, стремившимися критически осмыслить культурное конструирование сексуальной идентичности, гендера и сексуального желания с акцентом на гей-, лесбийской, бисексуальной и трансгендерной идентичностях, которые подвергаются маргинализации в мейнстримном сообществе (см., напр.: [Butler, 1990; Sedgwick, 1990; Сэджвик, 2003]). Понятие «квир» часто применяется в более широком смысле по отношению ко всем индивидам или социальным группам, не вписывающимся в требования нормативности. С этой точки зрения делать такую тему, как тучная телесность, «квирной» – значит ставить под вопрос доминирующие, принятые по умолчанию смыслы, связанные с этой темой, и выявлять властные отношения, заложенные внутри этих смыслов и закрепляемые ими, в особенности те, что обнаруживают себя в попытках подвести одни группы под категорию «нормальных», а другие – под категорию «девиантных», «отклоняющихся». Квир-теория стремится выявлять и деконструировать эти смыслы, превращать их из скрытых в явные и расшатывать их, бросая им вызов или оказывая сопротивление. Квир-теория рассматривает эти идентичности не как жесткие и стабильные, а как подвижные и динамичные. Квир-теоретики утверждают, что такие идентичности, как гендерная, сексуальная и тучная, являются перформативными и текучими: они не являются сущностной составляющей субъективности и тем самым открыты для изменений и дискуссий. В последнее время в исследованиях квир-телесности начал использоваться интерсекциональный подход: например, изучение квир-, феминистской и инвалидной телесности [Kafer, 2013] или же пересечений в изображении квир и расы в популярных медиа [Kohnen, 2015].

Использование цифровых технологий – еще одна ключевая сфера телесности, к которой можно применить эти теоретические подходы. В исследованиях оцифрованной телесности с самых первых дней существования интернета присутствовали размышления о взаимодействии человеческого и нечеловеческого [Lupton, 2017a]. И здесь важнейшую роль сыграли работы Харауэй, особенно о кибертелах. Для Харауэй киборг – это одновременно и буквальное переплетение человеческого с нечеловеческим, и метафора возможностей гибридной и гетерогенной телесности, противостоящей нормативным идеалам [Haraway, 1991; 1995]. В мире, где человеческое тело все больше «переводится» в цифровые форматы, когда люди перемещаются в пространстве, используют мобильные устройства или выходят в интернет, их тела через взаимодействие с технологиями становятся ассамбляжами плоти-кода-устройств-данных

[Lupton, 2016a; 2017a]. Дигитально-телесные ассамбляжи возникают и циркулируют в экономике цифровых данных (digital data economy) интернет-реальности; они подвергаются пересборке, реконфигурации и становятся доступны огромному числу неизвестных пользователей. Любое исследование, в котором анализируются способы функционирования цифровых медиа и устройств и порождаемых ими смыслов и практик, должно учитывать природу взаимосвязанности подобных медиа, а также циркуляцию, реконфигурацию и переориентацию их контента.

Фэт-активизм

Не все авторы, пишущие в русле критических исследований веса/исследований жира, считают себя активистами. Они позиционируют себя скорее как беспристрастных критиков или исследователей, которые анализируют социокультурные смыслы тучности. Фэт-активизм же, напротив, открыто занимает ярко выраженную энергичную политическую позицию, направленную на достижение социальной справедливости и борьбу с дискриминацией тучных людей. Фэт-активисты используют самые разнообразные термины: фэт-прайд, принятие жира, принятие размера тела, – чтобы продемонстрировать свою главную цель: оспаривать и переосмысливать сложившиеся вокруг тучной телесности преимущественно негативные смыслы, чтобы сделать тучные тела видимыми, влиятельными, полными сил, здоровыми и позитивными.

Мы разрушаем стереотипы. Мы в пух и прах разбиваем идеи о том, что тучные женщины – жертвы, или что девочка должна быть худенькой, если хочет заполучить себе мальчика, или что толстушки должны носить мешковатые балахоны. Мы толстые, и мы счастливы – почти всегда [Mitchell, 2005, p. 217].

В работах тех, кто определяет себя как фэт-активистов, эмоциональный аспект тучной телесности обозначается гораздо более отчетливо и красноречиво, нежели в остальной критической литературе: в особенности чувства унижения, фрустрации и гнева, испытываемые тучными людьми в связи с тем, что их маргинализуют и патологизируют, изображая как ленивых и безответственных; а также противоречивость переживаний по поводу тучной телесности в ряде случаев. Многие авторы этого направления подчеркивают более широкие политико-экономические аспекты нынешней сосредоточенности на контроле за весом, утверждая (подобно тем скептикам, о которых речь шла выше), что правительство, медицинская профессия в целом, фармацевтическая индустрия, рекламные компании и компании, производящие товары для похудения, преувеличивают риски, связанные с тучностью, чтобы делать на этом деньги или ради удовлетворения личных амбиций. Они заявляют, что причиной заболеваний и плохого здоровья является не тучность сама по себе, а негативное отношение со стороны общества, которое ведет к маргинализации тучных людей, моральным санкциям и дискриминации, в результате чего они оказываются социально и экономически уязвимыми (см., напр.: «Исследования жира: хрестоматия» – The Fat Studies Reader [Rothblum, Solovay, 2009]; «Педагогика жира: хрестоматия» – The Fat Pedagogy Reader [Cameron, Russell, 2016]).

Фэт-активизм созвучен деятельности представителей феминистского движения и движений за права черных, геев, лесбиянок и людей с ограниченными возможностями, которые выявляют основанные на физических характеристиках и сопутствующих им негативных культурных ассоциациях маргинализацию и дискриминацию женщин, черных, геев, лесбиянок и людей с ограниченными возможностями и активно с ними борются. Члены этих движений, основанных на политике идентичности, на личном опыте переживают стигматизацию и дискриминацию, которые они стремятся выявить, чтобы с ними бороться. Чтобы побудить к дей-

ствиям, необходимым для запуска социальных перемен, они опираются на давно копившиеся тяжелые чувства участников движений – их обиду, гнев и фрустрацию.

Фэт-активисты – это в подавляющем большинстве женщины, придерживающиеся феминистских взглядов на тучную телесность и определяющие себя как тучных. Некоторые из них пишут востребованные книги и ведут популярные блоги о дискриминации и политике жира, многие активисты участвуют в группах поддержки и мероприятиях, на которых освещаются вопросы дискриминации, ратуют за принятие законов против дискриминации тучных людей и работают над позитивными образами тучной телесности, прежде всего женской. Не все из них обращаются к теоретическим подходам и академической литературе, посвященной тучной телесности. Однако многие фэт-активисты используют подходы, предлагаемые социальными и гуманитарными науками, а некоторые сами являются исследователями, пишущими не столько для широкой, сколько для академической аудитории (см., напр.: [Solovay, Rothblum, 2009; Cooper, 1997; 2009; 2010; Murray, 2005; 2008; 2009a; 2009b]).

* * *

Подходы, рассматриваемые в этой главе, весьма разнообразны, часто состязаются или конфликтуют друг с другом по вопросу о том, как следует понимать тучную телесность, и о том, какие практики или виды вмешательства необходимы либо для того, чтобы ограничить распространение тучности, либо для того, чтобы сопротивляться политике борьбы с ожирением и фэт-шеймингом. В следующей главе мы более подробно рассмотрим виды вмешательств, предлагаемых или предписываемых медицинскими и здравоохранительными ведомствами, а также государственными структурами, для того чтобы мониторить, регулировать и дисциплинировать тучность.

Глава 3

Как управлять тучными телами

Тучные тела стали объектом обширной сети стратегий и технологий слежения, мониторинга и регулирования, осуществляемых финансируемыми государством организациями, медицинскими экспертами и коммерческими предприятиями. В этой главе рассматривается, каким образом тучными телами управляют с помощью этих стратегий и технологий, а также лежащих в их основе представлений, неявного знания и властных отношений.

Власть медицины и «эпидемия ожирения»

Медицина и здравоохранение – взаимопересекающиеся влиятельные институты, которые оказывают огромное воздействие на то, как люди понимают, воспринимают и переживают свою телесность. Медицинские дискурсы и практики направлены на тело индивида в клиническом контексте, в то время как в здравоохранении медицинское знание применяется в отношении здоровья групп населения. Оба института сыграли ключевую роль в конструировании проблемы «эпидемии ожирения» и консультировании людей по вопросу о том, как они должны организовать свою повседневную жизнь в целях поддержания своего веса на «нормальном» уровне ради сохранения здоровья. Из этого следует, что, хотя знания и практики медицины и здравоохранения обычно расцениваются как полезные и свободные от идеологии, они часто невольно подкрепляют скрытые предположения относительно природы тучности. Я не берусь утверждать, в отличие от некоторых более непримиримых фэт-активистов и критиков идеи ожирения, что эксперты в области медицины и здравоохранения сознательно стигматизируют тучных людей и способствуют «фэт-геноциду», убеждая тучных людей сбрасывать вес, или что они испытывают сознательную ненависть к тучным людям и стремятся построить свою карьеру за их счет (хотя, возможно, для крошечной части этих специалистов это действительно так). В медицине и здравоохранении власть осуществляется гораздо более тонким, диффузным и сложным способом. Позиция «борьбы с ожирением» и связанные с ней требования, исследования, товары, практики, дискурсы и смыслы – это сложное социальное явление, включающее множество социальных акторов, групп и организаций самого широкого спектра, от системы образования, семьи, научного сообщества, правительства до массмедиа и культуры товаров широкого потребления [Gard, Wright, 2005; Gard, 2011].

Медицина и здравоохранение существуют в культурном контексте, в котором циркулируют определенные давно устоявшиеся представления о тех или иных типах телесности. Как и другие влиятельные институты, медицина и здравоохранение используют, воспроизводят, а нередко и подкрепляют эти представления на уровнях, о которых часто не подозревают практики и теоретики, работающие в этих областях [Lupton, 1995; 2012; Petersen, Lupton, 1996]. Так, в случае с тучностью исследователи в области здравоохранения и сторонники политики борьбы с ожирением склонны принимать на веру различные представления и дискурсы, осмысляющие тучные тела, точно так же, как это делают массмедиа, представители системы образования и непрофессионалы, в том числе и сами тучные люди.

Однако высказывания по поводу жира специалистов в области медицины и здравоохранения, в силу того что их влиятельность как производителей знания в последней инстанции по вопросам здоровья и телесности подкрепляется доверием, оказываемым предположительно беспристрастным и объективным научным методам и статистике, обладают большей легитимностью, чем любой другой источник знания. Несмотря на уверенные заявления экспертов, многие аспекты причин и следствий избыточного веса и ожирения плохо осознаны учеными и исследователями в сфере медицины [Gard, Wright, 2005; Gard, 2011]. Делая свои заявления, эти эксперты опираются на убеждения, которые кажутся здоровыми и самоочевидными, основанными на веками господствовавших представлениях о том, как функционирует тело и как поддерживать здоровый образ жизни, а также на относительно новых страхах и тревогах по поводу опасностей технологий, особенно в отношении детей [Gard, Wright, 2005; Monaghan, 2005a; Jutel, 2006; 2009].

Социальное конструирование «избыточного веса» и «ожирения»

Как я отмечала в главе 2, ряд критиков утверждают, что само использование медицинского термина «ожирение» медикализует тучную телесность, перемещая ее в сферу медицинского лечения и превращая в медицинскую проблему: болезнь или преморбидное состояние. Всемирная организация здравоохранения классифицирует ожирение как болезнь. Если человека, согласно индексу массы тела (ИМТ – BMI), оценивают как страдающего от ожирения, то его автоматически зачисляют в разряд больных, независимо от реального состояния его здоровья [Ross, 2005, p. 95]. Но концепты «жир», «избыточный вес» или «ожирение» – это произвольные социальные категории, которые по-разному определялись в разных исторических, социальных и культурных контекстах. В самом деле, категория «избыточный вес» часто смешивается в экспертных и непрофессиональных дискурсах с категорией «ожирение».

В биомедицинской литературе существуют серьезные разногласия и высокая степень неопределенности по поводу того, какой объем жира следует считать избыточным и какой тип телесного жира наиболее опасен (например, на животе или на других частях тела) [Gard, Wright, 2005; Ross, 2005; Evans et al., 2008]. Как указывает Росс:

...проблема с определением ожирения состоит в том, чтобы решить, где начинается избыточность. Сколько для этого требуется жировой ткани? Насколько жирным должен быть человек с ожирением? Каковы преимущества и недостатки тучности? Насколько тучным нужно быть, чтобы стать обузой для себя самого или бременем для общества? И насколько тучным нужно быть, чтобы тебя зачислили в разряд больных? [Ross, 2005, p. 92].

Тучность и раньше часто описывалась в медицинской литературе как патология, но только в 2000-х избыточный вес (который надо отличать от ожирения) стал самостоятельной клинической категорией. Прежде термин «избыточный вес» использовался для описания симптома или признака – в 2000-х с его помощью стали описывать само состояние или болезнь с собственным набором симптомов, стратегий лечения и превентивных методов. Как и ожирение, избыточный вес медикализировался и стал рассматриваться как медицинская категория. Патологизации избыточного веса способствовал ряд факторов: предположение, что внешний вид тела определяет природу индивида; стандартизированное измерение тучности с помощью «объективного» научного инструмента – весов или ИМТ; предпочтительное использование количественных измерений и статистического анализа в биомедицине; медицинский дискурс как риторическая стратегия в продвижении товаров, предназначенных для сбрасывания веса [Jutel, 2006; 2009].

Категоризация ожирения как болезни привела к тому, что появилось огромное множество медицинских способов «лечения» этой болезни: так, появились медики – специалисты в этой области, которые стали предлагать медикаментозные способы похудения, а также хирургические решения этой проблемы. Ряд критиков утверждают, что патологизация тучности как «избыточного веса» или «ожирения» делает тех, кого классифицировали таким образом, уязвимыми для манипуляций со стороны коммерческих предприятий, стремящихся сбыть свою продукцию, предназначенную для похудения, в том числе лекарственные препараты и специальные пищевые добавки [Murray, 2009a; Jutel, 2009; Wann, 2009]. Несомненно, существует мощная индустрия товаров для похудения, воздействующая на уязвимые стороны, тревоги и страхи людей, которых медицина диагностировала как страдающих от избыточного веса или ожирения или которые сами себя считают «слишком жирными».

В своей книге «Эпидемия ожирения» Гард и Райт [Gard, Wright, 2005] предлагают хорошо аргументированную критику медицинской и здравоохранительной литературы по вопросу ожирения. Они выявляют многочисленные неточности, искажения, дезориентирующие предположения и обобщения в научных и эпидемиологических исследованиях, которые внесли свой вклад в идею о том, что ожирение достигло «критического» или «эпидемического» уровня и что превышение произвольно определенных «нормальных» показателей ИМТ автоматически негативно воздействует на здоровье людей. Гард и Райт утверждают, что во всех этих областях существует множество противоречивых и взаимоисключающих находок и наблюдений, сделанных исследователями, что затрудняет вынесение уверенных и однозначных заключений по этому вопросу. Они указывают, что многие из обобщений, которые делаются специалистами по ожирению и экспертами в области здравоохранения, попросту игнорируют недостаток внутренне непротиворечивых, ясных и убедительных данных, позволяющих делать заявления вроде «причина ожирения – в недостатке физических упражнений и переедании», и продолжают выдвигать такого рода утверждения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.